

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина»

На правах рукописи

Чжан Юйкунь

Чжан Юйкунь

**«Мягкая сила» в образовательной сфере России и Китая:
сравнительный анализ**

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Екатеринбург – 2025

Работа выполнена на кафедре политических наук ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Научный руководитель: доктор политических наук, доцент
Керимов Александр Алиевич

Официальные оппоненты: **Бояркина Анна Владимировна**, доктор политических наук, ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет», (г. Владивосток), доцент кафедры китаеведения;

Наумов Александр Олегович, доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», профессор кафедры международных организаций и проблем глобального управления;

Табаринцева-Романова Ксения Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», (г. Екатеринбург), доцент кафедры теории и истории международных отношений.

Защита состоится «24» июня 2025 г., в 11:00 на заседании диссертационного совета УрФУ 5.5.15.02 по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал диссертационных советов, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»: <https://dissovet2.urfu.ru/mod/data/view.php?d=12&rid=7196>

Автореферат разослан «___» мая 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета УрФУ 5.5.15.02
кандидат исторических наук, доцент

А.С. Бурнасов

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Россия и Китай стали значимыми игроками в мировом образовательном пространстве, привлекая все большее число иностранных студентов и налаживая образовательные партнерства по всему миру. Стратегии мягкой силы, применяемые обеими странами, играют ключевую роль в формировании международного восприятия и укреплении сотрудничества в сфере образования.

Мягкая сила относится к способности страны влиять на других посредством привлечения и убеждения, а не принуждения или силы. В контексте образования мягкая сила предполагает использование культурных, образовательных и интеллектуальных активов для повышения глобального статуса и влияния страны.

Сравнительный анализ позволяет углубленно изучить различные стратегии мягкой силы, используемые Россией и Китаем. Анализируя сходства и различия в их подходах к образовательной дипломатии, программам культурного обмена, продвижению языка и академическому сотрудничеству, можно получить представление об эффективности и воздействии их инициатив «мягкой силы».

Изучение мягкой силы в сфере образования имеет более широкие последствия для международных отношений и дипломатии. Понимание того, как Россия и Китай используют свои образовательные ресурсы и институты для повышения своего глобального имиджа и влияния, может пролить свет на динамику современной международной политики и

Результаты сравнительного анализа могут послужить основой для разработки политики и стратегии в области образования как в России, так и в Китае. Выявляя лучшие практики и области для улучшения, политики могут усовершенствовать свои инициативы в области мягкой силы, чтобы они лучше соответствовали национальным целям и международным устремлениям.

Сравнительный анализ мягкой силы в образовательной сфере России и Китая дает ценную информацию о меняющейся динамике глобального образования и международных отношений. Изучая стратегии, вызовы и последствия их инициатив в области мягкой силы, исследование способствует более глубокому пониманию роли образования в формировании международного восприятия и отношений.

Степень разработанности проблемы. При всестороннем рассмотрении концепции «мягкой силы» нами был рассмотрен широкий спектр трудов как отечественных, так и зарубежных специалистов. Следует отметить, что основой для формирования и последующей детализации данной теоретической модели стали исследования Дж. Найя, работы которого легли в фундамент исследования и послужили отправной точкой для нашего анализа. Сама идея «мягкой силы» эволюционировала на базе предыдущих исследований вопросов власти, влияния и механизмов управления, находящих отражение в работах, традиционно рассматриваемых как предшественники или альтернативы современной концепции. Так, к этим интеллектуальным предшественникам можно отнести труды А.

Грамши¹, С. Стрэнджа², Ж. Бодрийяра³, Ж. Липовецки⁴, С. Льюкса⁵. Необходимо отметить, что сам анализ данной идеи неоднократно становился объектом критической оценки, что в конечном итоге стимулировало Дж. Найя к дальнейшему совершенствованию теоретической базы. В числе тех, кто подвергал сомнению основные положения концепта, являются Н. Фергюссон⁶, Б. Уомакк⁷, К. С. Грей⁸, П. Бильгин⁹, Е. Лок¹⁰. Наряду с критическими отзывами, в научном дискурсе регулярно появляются попытки более глубокого осмысления и развития концепции, среди которых заслуживают внимания исследования Г. Галаротти¹¹, М. Клэра¹², М. Куналакиса и Р. Синг¹³. Кроме того, особое место занимают работы специалистов, сосредоточенных на изучении отдельных аспектов «мягкой силы»: например, исследования И. Кацуджи, посвященные роли акторов в этом процессе; анализ Х. Кима, рассматривающего культурную дипломатию как стратегический инструмент; а также труды М. Фрейзера, раскрывающие потенциал популярной культуры в реализации данной концепции.

Сегодня российское научное сообщество можно охарактеризовать как арену для динамичного развития идей, связанных с «мягкой силой». Научные исследования в этой области получили мощный импульс благодаря усилиям многочисленных отечественных экспертов, чьи труды охватывают как теоретические, так и эмпирические аспекты проблемы. Среди авторов, чьи работы сыграли значительную роль в формировании и дальнейшем развитии данной парадигмы, можно выделить таких исследователей, как Д. Б. Казаринова, В. М. Капицын¹⁴, Е. Г. Пономарева¹⁵, О. Ф. Русакова¹⁶, Г. Ю. Филимонов¹⁷, А. Казанцев, В.

¹ Грамши А. Тюремные тетради. М.: Издательство политической литературы, 1991. 560 с.

² Strange S. The persistent myth of lost hegemony // International Organization. 1987. Vol. 41. № 4. P. 551–574.

³ Бодрийяр Ж. Соблазн. М.: Изд-во Ad Marginem, 2000. 311 с.

⁴ Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. СПб.: Владимир Даль, 2001. 336 с.

⁵ Lukes S. Power: a radical view. London: Macmillan, 1974. 64 p.

⁶ Ferguson. N. Colossus: the price of America's empire. N.Y.: Penguin Press, 2004. 384 p.

⁷ Womack B. Dancing alone: a hard look at soft power // The Asia Pacific Journal: Japan Focus. 2005.

⁸ Gray C. Hard power and soft power: the utility of military force as an instrument of policy in the 21st century // Strategic studies institute Monograph. 2011.

⁹ Bilgin P., Elis B. Hard power, soft power: toward a more realistic power analysis // Insight Turkey. 2008

¹⁰ Lock E. Soft power and strategy. Development a strategic concept of power // Soft power and US foreign policy: Theoretical, historical and contemporary perspectives. London: Routledge. 2010. P. 32–50

¹¹ Gallarotti G. Soft power: what is it, why it is important, and the conditions under which it can be effectively used // Wesleyan University, WesScholar. 2011.

¹² Klare M. Hard power, soft power, and energy power // Foreign affairs. 2015. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2015-03-03/hard-power-soft-power-and-energy-power>

¹³ Kounalakis M., Simonyi A. The hard truth about soft power // USC public diplomacy. 2011.

¹⁴ Капицын В. Космополитизм – компоненты «мягкой силы» и глобального управления // Обозреватель. 2009. № 10. С. 70–79

¹⁵ Пономарева Е. Г., Рудов Г. А. «Мягкая сила» как интеграционный ресурс России на евразийском пространстве // ОбозревательObserver. 2015. № 11. С. 59–73; Пономарева Е. Г. Железная хватка «мягкой силы» // Однако. 2013. № 6. С. 18–26; № 7. С. 18–21; Пономарева Е. Г. «Умная сила» как инструмент евразийской интеграции // Панорама Евразии. 2015. № 2 (13). С. 66–69; Пономарева Е. Г. «Мягкая сила» России как интеграционный ресурс // Геополитический журнал. 2016. № 3. С. 9–17.

¹⁶ Русакова О. Ф. Концепт «мягкой силы» (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник института философии и права УрО РАН. 2010. Вып. 10. С. 173–192; 110. Русакова О.Ф. Политическая

Н. Меркушев¹⁸, И. Радиков, Я. Лексютин¹⁹ и Д. М. Ковба²⁰. Эти ученые не только представили оригинальные интерпретации явления, но и разработали комплексные модели, позволяющие глубже понять, как «мягкая сила» функционирует в современных политических и культурных процессах.

Если рассматривать «мягкую силу» в контексте образовательного процесса, то следует констатировать, что концептуальные основы исследования мягкой силы в образовательном контексте были заложены в работах Дж. Ная, который впервые ввел термин «мягкая сила» в научный оборот. Однако применительно к образовательным системам Китая и России, эта концепция получила дальнейшее развитие и спецификацию в трудах ряда исследователей. Вопросы, связанные с применением концепции «мягкой силы» в образовательных системах, находятся в центре внимания представителей самых разных научных дисциплин: политологии, социологии, культурологии, педагогики и других областей знания. Это связано с тем, что образование рассматривается не только как механизм передачи знаний, но и как инструмент продвижения национальных интересов, формирования позитивного образа страны и ее культурных ценностей за рубежом (исследования И. Г. Актамова, М. М. Лебедевой, Дж. Ная, М. Ли и др.)²¹.

Обычно в научных трудах «мягкая сила» в образовательной сфере изучается в широком контексте внешнеполитической стратегии государства, направленной на укрепление международного имиджа и повышение привлекательности национальной культуры. Такой подход предполагает анализ образования как одного из ключевых ресурсов публичной дипломатии, дополняющего традиционные (жесткие) инструменты внешней политики. С учетом динамики развития современной политической науки, данные вопросы в большей степени освещаются в зарубежной литературе (Дж. Най, С. Анхольт, Дж. Галаротти и др.), хотя в последние годы заметен рост интереса к данной проблематике и среди российских исследователей. При этом в постсоветском научном пространстве становление концепции «мягкой силы» в образовательном аспекте тесно связано с переосмыслением роли высшей школы в формировании международных контактов и диалога культур. Прикладные исследования, связанные непосредственно с образовательными стратегиями, стали активно развиваться лишь в последние два

дискурсология: актуальность исследования и теоретико-методологические основания // Известия Урал. гос. ун-та. Сер. 3. Общественные науки, 2008. Вып. 6. № 61. С. 114–122.

¹⁷ Филимонов Г. Ю. «Мягкая сила» культурной дипломатии США: Монография. М.: РУДН, 2010. 212 с.

¹⁸ Казанцев А. А., Меркушев В. Н. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» // Полис. 2008. № 2 С. 122–135.

¹⁹ Радиков И., Лексютина Я. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 2. С. 19–22.

²⁰ Ковба Д. М. "Мягкая сила" как политическая стратегия государств Восточноазиатского региона: автореферат дис. ... кандидата политических наук : 23.00.02. Екатеринбург, 2017. 38 с.

²¹ Актамов И. Г., Бадмацыренов Т. Б. «Мягкая сила» Китая: образовательные стратегии внешнеполитического влияния // Власть. 2019. Т. 27. № 3. С. 231–236; Лебедева М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № (3(54)). С. 212–223; Най Дж. С. Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век / пер. с англ. В. Н. Верченко. М.: АСТ, 2014. 448 с.; Li M. Soft Power: China's Emerging Strategy in International Politics. London: Lexington Books, 2009. 284 p.; Lintner B. The Costliest Pearl: China's Struggle for India's Ocean. Hurst, 2019. 288 p.

десятилетия. В исследованиях, посвященных «мягкой силе» Китая, доминирует анализ деятельности Институтов Конфуция как наиболее наглядного инструмента продвижения языка и культуры, а также роль стипендиальных программ и совместных образовательных проектов (Hunter²², Feng²³, Peters²⁴). Что касается российской стратегии «мягкой силы» в образовании, то, несмотря на меньшую масштабность проектов, у отечественных вузов также сформировался определенный потенциал в продвижении национальных интересов за рубежом. В отношении китайской образовательной стратегии мягкой силы значительный вклад внесли работы Д. Уилсона²⁵, в которых проведен комплексный анализ роли Институтов Конфуция в продвижении китайского языка и культуры за рубежом. Российская стратегия мягкой силы в образовании исследована менее детально, однако работы М. М. Лебедевой²⁶ предоставляют ценный анализ роли российских университетов в продвижении национальных интересов за рубежом. Исследование демонстрирует, что российские образовательные программы для иностранных студентов способствуют формированию позитивного имиджа страны, хотя и в меньшей степени, чем аналогичные китайские инициативы.

Сравнительный анализ китайских и российских стратегий мягкой силы в образовании представлен в работах А. В. Торкунова²⁷ и Е. М. Харитоновой²⁸. Их исследование выявило ряд сходств и различий в подходах двух стран. В частности, было отмечено, что китайская стратегия характеризуется более высокой степенью централизации и финансирования, в то время как российский подход отличается большей гибкостью и ориентацией на постсоветское пространство.

Важный вклад в понимание эффективности образовательных стратегий мягкой силы внесли эмпирические исследования С. Анхольта²⁹ и Ю.П. Давыдова³⁰. Их работы, основанные на обширных социологических опросах иностранных студентов в Китае и России, показали, что образовательные программы обеих стран способствуют формированию более позитивного восприятия страны-хозяина,

²² Hunter A. Soft Power: China on the Global Stage // Chinese Journal of International Politics. 2009. Vol. 2. P. 378–379.

²³ Feng Y. The development of Russian language education in China: Challenges and prospects // Russian Language Studies. 2020. № 18 (2). P. 235–252.

²⁴ Peters M. A. China's belt and road initiative: Reshaping global higher education // Educational Philosophy and Theory. 2020. № 52 (6). P. 586–592.

²⁵ Wilson J.L. Soft power as a component of Russian and Chinese discourse and strategy // American Political Science Association. Norton, MA, 2013.

²⁶ Лебедева М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 3(54). С. 212–223.

²⁷ Торкунов А. В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4(25). С. 85–93.

²⁸ Харитонов Е. М. Образование в политике «мягкой силы» Великобритании // Трансформация международных отношений в XXI веке. Материалы международной научно-практической конференции. М.: Дипломатическая академия МИД России, 2017. С. 397–402.

²⁹ Anholt S. Why brand? Some practical considerations for nation branding // Place Branding. 2006. No. 2 (2). P. 97–107.

³⁰ Давыдов Ю. П. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. 2014. № 1. С. 69–80.

однако степень этого влияния варьируется в зависимости от региона происхождения студентов и специфики программы обучения.

Критический анализ концепции мягкой силы в контексте образовательных систем представлен в работах Дж. Галларотти³¹ и О. Г. Леоновой³². Их исследования указывают на ограничения и потенциальные риски чрезмерного акцента на мягкую силу в образовательной политике, включая возможность восприятия образовательных программ как инструментов пропаганды.

Рассматривая образование как многоуровневый фактор «мягкой силы», исследователи уделяют особое внимание влиянию культурных и коммуникативных характеристик образовательных программ на формирование благоприятного восприятия страны-донора. При этом подчеркивается, что эффективность таких программ во многом определяется их адаптированностью к конкретным региональным и социокультурным условиям.

В целом, степень изученности вопроса проявления стратегии мягкой силы в образовательных системах Китая и России можно охарактеризовать как умеренную, с тенденцией к росту интереса в последние годы. Однако существует ряд областей, требующих дальнейшего исследования. В частности, недостаточно изучены долгосрочные эффекты образовательных программ на формирование внешнеполитических предпочтений их участников, а также влияние цифровизации образования на стратегии мягкой силы. Кроме того, существует потребность в более детальном анализе региональных различий в восприятии образовательных инициатив Китая и России, а также в исследовании взаимодействия образовательных стратегий мягкой силы с другими инструментами внешней политики. Эти аспекты представляют собой перспективные направления для будущих исследований в данной области.

Объект исследования – «мягкая сила» в образовательной сфере.

Предмет исследования – особенности политики «мягкой силы» в образовательной сфере Китая и России.

Цель исследования – через сравнительный анализ выявить особенности «мягкой силы» в образовательной сфере Китая и России.

Задачи исследования:

- изучить понятие, сущность и функции мягкой силы как категории;
- выявить специфику концептуализации категории мягкой силы в политической науке;
- установить особенности интерпретации категории мягкой силы в китайской политической науке;
- охарактеризовать особенности политики мягкой силы Китая в образовательной сфере;
- проанализировать особенности российской политики мягкой силы в образовательной сфере;

³¹ Gallarotti G. M. The Power Curse: Influence and Illusion in World Politics. Lynne Rienner Pub, 2009. 209 p.

³² Леонова О. Г. Интерпретация понятия «мягкая сила» в науке // Обозреватель – Observer. 2015. № 2 (301). С.

- установить сходства и различия политики мягкой силы Китая и России в образовательной сфере;
- дать оценку состоянию и перспективам развития китайско-российских отношений в образовательной сфере.

Хронологические рамки исследования: исследование охватывает временные рамки с 2005 по 2024 годы.

Начало исследования с 2005 г. обусловлено тем, что именно в этот период наблюдается активное развитие образовательных инициатив, направленных на повышение международного имиджа как России, так и Китая. С этого времени усилилась институциональная поддержка программ культурного обмена и образовательных партнерств, что отражает переход к более осознанному использованию «мягкой силы» в образовательной политике. Кроме того, начиная с 2005 года, появляются первые эмпирические исследования и практические примеры интеграции образовательных стратегий в государственную внешнюю политику. Таким образом, выбранный период позволяет проследить эволюцию концепции мягкой силы в образовании и ее влияние на международные отношения в условиях глобальных трансформаций.

Наиболее существенные научные результаты и их новизна:

- осуществлен комплексный сравнительный анализ стратегий «мягкой силы» в образовательной сфере двух крупных геополитических игроков – России и Китая, что является одной из первых попыток подобного исследования;
- раскрыта специфика концептуализации категории мягкой силы в политической науке;
- выявлены уникальные черты и отличительные особенности, а также общие тенденции в образовательных стратегиях двух стран с различными культурными и политическими традициями;
- установлены сходства и различия между политикой мягкой силы Китая и России в сфере образования;
- предложена авторская методологическая модель для оценки эффективности образовательных инструментов «мягкой силы», интегрирующая количественные показатели (например, число иностранных студентов и объемы финансирования образовательных программ) с качественными параметрами (изменения восприятия страны, долгосрочные эффекты на карьерные траектории выпускников);
- дана оценка состояния и перспектив развития китайско-российских отношений в образовательной сфере, а также образовательных инициатив, направленные на формирование «мягкой силы» государства в глобальном образовательном пространстве.

Теоретическая и практическая значимость исследования:

Исследование вносит вклад в теоретическое осмысление концепции мягкой силы, предлагая новую типологию образовательных инструментов мягкой силы, основанную на их целевой аудитории, механизмах воздействия и ожидаемых результатах. Эта типология может быть применена не только к России и Китаю, но и

к другим странам, активно использующим образование как инструмент мягкой силы. Также предложен авторский взгляд на взаимосвязь между образовательными стратегиями мягкой силы и более широкими геополитическими целями государств. Исследование демонстрирует, как образовательные инициативы интегрируются в общую внешнеполитическую стратегию и как они адаптируются к меняющимся глобальным условиям, включая цифровизацию образования и геополитическую напряженность.

С точки зрения практического применения результаты исследования могут быть использованы при разработке и корректировке образовательных стратегий России и Китая, а также других стран, стремящихся усилить свое влияние через образовательные инициативы. Предложенная методология оценки эффективности образовательных инструментов мягкой силы может быть применена практиками для мониторинга и оптимизации существующих программ. Анализ, представленный в исследовании, позволяет прогнозировать будущие тенденции в области международного образования и образовательной дипломатии. Понимание механизмов образовательной мягкой силы может способствовать улучшению межкультурного диалога и международного академического сотрудничества. Результаты исследования также могут быть полезны университетам и другим образовательным учреждениям для разработки стратегий интернационализации и привлечения иностранных студентов. Понимание механизмов влияния образовательных программ на формирование мягкой силы может помочь оптимизировать инвестиции в международные образовательные инициативы.

Методология и методы диссертационного исследования включают неоинституциональный подход, позволяющий проанализировать исторический и социокультурный контекст, влияющий на формирование политики мягкой силы в образовательных стратегиях, а также выявить особенности российского и китайского подходов в данном вопросе. Институциональный подход позволяет проанализировать специфику реализации Россией и Китаем стратегии мягкой силы в образовательной сфере через конкретные институты, учреждения и организации. Структурно-функциональный подход используется для анализа стратегий мягкой силы двух стран в образовательной сфере в ходе их реализации. Системный подход позволил показать политику российских и китайских властей по внедрению мягкой силы в сфере образования как комплексную стратегию. В работе использовались описательный, прогностический, диалектический и аналитический методы исследования. Кроме того, в работе также используется сравнительный метод для выявления общих черт и различий в подходах к использованию мягкой силы в образовательной сфере России и Китая в зависимости от национальных интересов и геополитических целей.

Положения, выносимые на защиту:

1. Мягкая сила отражает способность государства влиять на предпочтения других в силу присущей ему привлекательности, охватывающую такие элементы, как культура, политические ценности и внешняя политика. Технологии «мягкой силы» представляют собой важный компонент современного государственного

управления и реализации национальных интересов. Эффективность «мягкой силы» зависит от гармонизации внешних и внутренних факторов государства, включая геополитическое положение, цивилизационное наследие, политические и экономические модели, стратегические планы развития, коммуникативные возможности, идеологию, социальные стандарты, ценности, национальный этос, культурное самовыражение.

2. Концептуализация категории мягкой силы в политической науке нашла отражение в ряде теоретических конструкций: модель реляционной власти; взаимосвязь мягкой силы и публичной дипломатии; стратегическая нарративная теория; идея мягкого силового капитала; критический теоретический подход; сетевая перспектива применения мягкой силы; специфика проявления мягкой силы в «незападных» контекстах; проявление мягкой силы в среде цифровой коммуникации и др. Актуальные тенденции дальнейшей концептуализации мягкой силы включают в себя: уточнение критериев измерений; проведение контекстуального анализа; оценку роли негосударственных субъектов; рассмотрение мягкой силы с точки зрения критического подхода; разработку понятия «цифровая мягкая сила».

3. Интерпретация и развитие концепции мягкой силы в китайской политической науке отражают динамичный процесс взаимодействия с западными идеями, переосмысления через призму китайской культуры и философии и практического применения во внешней политике. По мере того, как КНР продолжает расти как мировая держава, ее подход к мягкой силе формируется как внутренними приоритетами, так и международными реалиями. Поскольку мир переживает эпоху быстрых перемен и динамики глобальной власти, китайская интерпретация мягкой силы, несомненно, продолжит оставаться предметом пристального научного интереса и практического значения.

4. Политика мягкой силы Китая в сфере образования представляет собой многогранную и динамичную стратегию по усилению его глобального влияния и культурной привлекательности. Поскольку Китай продолжает развивать принципы мягкой силы в образовательной системе, международные проекты будут и в дальнейшем влиять на общую направленность политики в этой сфере, формируя роль страны в глобальной экономике знаний. Продолжающаяся эволюция этой стратегии, вероятно, сыграет решающую роль в формировании позиции Китая на мировой арене в ближайшие десятилетия.

5. Политика мягкой силы России в образовательной системе представляет собой сложную и развивающуюся стратегию, которая сочетает историческое наследие с современными геополитическими целями. Успех этой стратегии будет зависеть от способности России адаптироваться к меняющейся глобальной повестке, сбалансировать государственное участие с органической культурной привлекательностью и предложить образовательные возможности, которые являются одновременно востребованными и актуальными для международной аудитории.

6. Анализ сходств и различий в политике мягкой силы Китая и России в образовательной сфере показывает, что обе страны признают важность высшего образования как инструмента международного влияния и активно разрабатывают свои стратегии в этой области. Однако существуют существенные различия в масштабах, подходах и приоритетах этих стратегий. Обе страны в ближайшей перспективе столкнутся с новыми вызовами, к которым относятся: а) баланс между продвижением национальных интересов и принципами академической свободы; б) адаптация к растущей цифровизации образования; в) устранение геополитической напряженности, которая может повлиять на образовательные обмены и сотрудничество; г) конкуренция с устоявшимися западными образовательными учреждениями и новыми образовательными центрами в других частях мира; д) обеспечение качества и актуальности своих образовательных предложений на быстро меняющемся мировом рынке труда.

7. Китайско-российские отношения в сфере образования достигли значительных успехов в последние годы, что отражает широкое стратегическое партнерство между двумя странами. Будущее китайско-российских образовательных отношений будет зависеть от способности обеих стран использовать свои взаимодополняющие сильные стороны, решать существующие проблемы и адаптироваться к новым глобальным тенденциям в образовании. Углубление китайско-российских образовательных связей может внести значительный вклад в развитие человеческого капитала обеих стран, усилить их мягкую силу на мировой арене.

Достоверность результатов исследования обеспечивается применением обоснованной методологии, а также использованием обширной теоретической и эмпирической базы, включающей обзоры научных статей, материалов научно-практических конференций, онлайн-медиа, контент интернет-СМИ (на русском, английском, китайском языке), а также других открытых информационных источников, связанных с темой исследования.

Апробация результатов исследования. Результаты работы представлены в 6 научных публикациях, 3 из которых изданы в журналах, рекомендованных ВАК РФ и Аттестационным советом УрФУ. Основные положения диссертации излагались и обсуждались на 3 международных и всероссийских конференциях в г. Петрозаводске (декабрь 2024), г. Самаре (январь, февраль 2025).

Диссертация обсуждена на заседании кафедры политических наук Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина и рекомендована к защите.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих семь параграфов, заключения, списка литературы, содержащего 160 названий. Общий объем работы – 178 стр.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, раскрывается степень ее научной разработанности, характеризуется источниковая база, определяются цели и задачи, объект и предмет, методологические основы и методы исследования. Отражается научная новизна с указанием положений, выносимых на защиту, формулируется теоретическая и практическая значимость, приводятся сведения об апробации результатов исследования.

В первой главе **«Теоретические основы исследования категории «мягкой силы»»** раскрывается суть категории «мягкая сила», рассматриваются подходы к изучению мягкой силы в политической науке, анализируется интерпретация категории «мягкая сила» в китайской политической науке.

В первом параграфе **««Мягкая сила»: понятие, сущность, функции»** уточняется содержание категории «мягкая сила», анализируются ее сущность и функции.

Автор рассматривает «мягкую силу» как многомерное явление в международных отношениях, представляющее собой способность государства влиять на поведение и предпочтения других акторов посредством привлекательности культурных, образовательных, информационных и идеологических ресурсов, а не через принуждение. Концепция мягкой силы была впервые сформулирована Джозефом Наем в конце 1980-х годов, который определил ее как инструмент убеждения и привлечения, противопоставляя ее «жесткой силе» - военным и экономическим средствам воздействия. В основе мягкой силы лежат нематериальные ресурсы государства – культура, ценности, политическая система, уровень развития образования и технологический прогресс – которые формируют позитивный международный образ и повышают доверие к нему.

Эволюция теории мягкой силы привела к появлению смежных концепций – «разумной силы» (smart power), объединяющей убеждение и принуждение для достижения внешнеполитических целей, и «нормативной силы» (normative power), акцентирующей внимание на способности формировать международные нормы и ценности. Эти подходы подчеркивают комплексность современных стратегий влияния, где дипломатия, культурный обмен и публичная дипломатия взаимодействуют с экономическими и военными инструментами.

Функции мягкой силы проявляются в создании привлекательного имиджа государства, укреплении международного сотрудничества, развитии академических и культурных связей, а также в распространении национальных ценностей и стандартов через СМИ, образовательные программы и гражданские инициативы. Эффективность мягкой силы зависит от согласованности внутренних и внешних факторов – политической стабильности, культурного потенциала, коммуникативных возможностей и стратегического планирования, что позволяет государству проецировать свою идентичность и интересы на глобальной арене.

Во втором параграфе «Концептуализация категории «мягкой силы» в политической науке» анализируются различные теоретические подходы к изучению категории «мягкая сила».

Концептуализация категории «мягкой силы» в политической науке началась с введения Дж. Наем в конце 1980-х гг. и с тех пор прошла путь от первоначальной идеи привлекательности вместо принуждения до сложной многопарадигмальной теории. Первоначальные исследования концентрировались на определении источников мягкой силы – культуры, политических ценностей и внешней политики – и на оценке ее роли как альтернативы традиционным формам власти. В 1990-х – начале 2000-х гг. концепция получила дальнейшее развитие через работы Галларотти (реляционная модель власти), Мелиссена (новая публичная дипломатия), Мискиммона и соавторов (стратегические нарративы) и Соломона (мягкий силовой капитал), которые расширили понимание мягкой силы как контекстно зависимого, взаимодействующего с жесткой силой феномена, включающего когнитивные и аффективные механизмы влияния. Критические подходы (Маттерн) выявили скрытые формы вербального принуждения в практике мягкой силы, а исследования Ли и Мэнора показали необходимость адаптации теории к «незападным» и цифровым контекстам. Современные дискуссии сосредоточены на проблемах концептуальной неоднозначности, сложности измерения и отсутствия причинно-следственных моделей, что ограничивает эмпирическую проверяемость теории. В российской политологии мягкая сила рассматривается преимущественно как инструмент государственного внешнеполитического управления, акцентируется роль информационного пространства и специфика применения в рамках «цветных революций», а также отмечаются недостатки финансирования и координации. Актуальные направления исследований включают разработку надежных индикаторов мягкой силы, анализ ее вариаций в различных культурно-политических контекстах, изучение роли негосударственных акторов и цифровой дипломатии. Перспективы теории связаны с уточнением ее концептуальных основ, совершенствованием методологии измерения и анализом применения мягкой силы в условиях глобальных вызовов и трансформации мировой власти.

Третий параграф «Интерпретация категории «мягкая сила» в китайской политической науке» посвящен анализу исследования данной категории китайскими политическими деятелями и учеными.

В структуре интерпретации концепции «мягкой силы» в китайской политической науке можно условно выделить три основных уровня: традиционно-философский, идеолого-политический и культурно-стратегический. При этом в исследовании отмечается, что китайская трактовка мягкой силы формируется под влиянием ряда факторов, определяющих ее специфику и содержание. «Ситуационный» фактор связан с актуальными внешними и внутренними условиями, которые побуждают китайских политологов и государственных деятелей переосмысливать и применять концепцию, заимствованную из западной науки.

«Базовый» фактор предполагает наличие у Китая собственных философских и исторических традиций (конфуцианство, даосизм, стратегическое наследие Сунь-цзы и т. д.), позволяющих адаптировать идею «мягкой силы» к местному культурному и социально-политическому контексту. «Надситуативный» фактор отражает стремление Китая создать долгосрочную, концептуально обоснованную модель проецирования влияния за рубеж, которая опирается на общенациональное возрождение, идею «китайской мечты» и повышение статуса страны в мировой системе.

В формировании современной китайской интерпретации мягкой силы выделяются четыре этапа. На первом этапе происходит первоначальное знакомство с западной теорией (конец 1990-х – начало 2000-х гг.), когда китайские ученые и политические деятели переводят и обсуждают работы Дж. Ная, сопоставляя их с традиционными представлениями о «добродетельном правлении» и «ненасильственном влиянии». На втором этапе под влиянием богатого философского наследия (конфуцианство, даосизм, идеи Сунь-цзы, принципы Сунь Ятсена и др.) формируется собственная концептуальная база, где культура и моральный авторитет рассматриваются как важнейшая составляющая «мягкого» воздействия. Третий этап характеризуется официальным принятием идеи мягкой силы на высшем уровне (середина 2000-х – время правления Ху Цзиньтао) и включением «мягкой силы» в политический дискурс КНР с акцентом на «культурном возрождении» и продвижении имиджа Китая в мире. На четвертом этапе, связанном с периодом правления Си Цзиньпина, происходит активная институционализация «мягкой силы», когда она тесно увязывается с концепцией «китайской мечты» и становится основным инструментом внешнеполитической стратегии, включающей культурную дипломатию, цифровые технологии, образовательные программы и медийные проекты.

Диссертант выделяет следующие направления конструирования «мягкой силы» Китая. Во-первых, использование богатого историко-философского наследия и продвижение традиционных ценностей (конфуцианский принцип «правления добродетелью», даосская концепция «ненасильственного действия», моральный авторитет «Ван дао»). Во-вторых, развитие культурной политики как ключевого инструмента мягкого влияния за рубеж, включающего сеть Институтов Конфуция, проведение фестивалей и выставок, расширение китайских медиа в мировом информационном пространстве. В-третьих, акцент на культурной безопасности, культурном сознании и культурной уверенности (термины, активно продвигаемые партийным руководством), которые призваны укрепить внутреннее единство и сформировать позитивный имидж Китая в глазах международного сообщества.

В диссертации отмечается, что важнейшую роль в формировании «мягкой силы» играет обращение к историческому и культурному наследию, переосмысление прошлых идей и традиций с опорой на современную политическую повестку. Интерпретация конфуцианства, даосизма и стратегического наследия Сунь-цзы в интересах выстраивания образа миролюбивого, ответственного и

культурно притягательного Китая становится основой национальной стратегии «мягкого влияния».

Характеризуя основные компоненты «мягкой силы», автор подчеркивает роль культурной мягкой силы, которая основывается на продвижении китайского языка и культуры, традиционных и современных форм искусства, а также на медийном присутствии Китая в мировом информационном пространстве; идеологической (или идеолого-политической) мягкой силы – включает идеи «мира и развития», «китайской мечты», принцип «Ван дао» (морального авторитета) и стремление продемонстрировать, что китайская модель развития является привлекательной альтернативой в глобальном масштабе; цифровой (или медийной) мягкой силы – подразумевает использование как традиционных СМИ (CGTN, Xinhua, China Daily), так и современных цифровых платформ (TikTok, Weibo, другие социальные сети) для формирования и транслирования позитивного имиджа Китая, налаживания прямой коммуникации с зарубежной аудиторией.

Отдельное внимание уделяется роли образования и научного обмена: расширение программ для иностранных студентов, открытие китайско-иностранных совместных университетов, интеграция исследований о Китае в зарубежных учебных заведениях – все это рассматривается как стратегические шаги по укреплению «мягкого» влияния. Подчеркивается и важность комплексного подхода, при котором «мягкая сила» дополняет «жесткие» инструменты, формируя «комплексную национальную мощь» (综合国力).

Вторая глава «Образовательный аспект в политике «мягкой силы» Китая и России» посвящена анализу особенностей политики «мягкой силы» в образовательной сфере двух стран, выявлению сходств и различий политики «мягкой силы» в образовательной сфере, а также состоянию и перспективам развития китайско-российских отношений в образовательной сфере.

В первом параграфе «Особенности политики «мягкой силы» Китая в образовательной сфере» исследуются основные черты образовательной политики «мягкой силы» в Китае.

В структуре политики «мягкой силы» Китая в образовательной сфере можно выделить три основных уровня: транснациональный, регионально-фокусированный и цифровой (инновационный). При этом в анализе подчеркивается, что данный подход складывается под воздействием ряда факторов, определяющих приоритеты и направления образовательной дипломатии. «Ситуационный» фактор связан с ускоренной глобализацией и повышением конкурентности мирового образовательного пространства, побуждающими Китай адаптировать зарубежные модели обучения к своим культурным и политическим реалиям. «Базовый» фактор заключается в глубоко укорененной традиции академического и культурного обмена (начиная от конфуцианского принципа образования), которая позволяет органично интегрировать международные инициативы в национальную систему. «Надситуативный» фактор отражает долгосрочную стратегию Китая по укреплению

статуса «могущественного культурного государства» и продвижению идеи «гармоничного мира» через экспорт образовательных услуг.

В формировании образовательной стратегии «мягкой силы» Китая можно выделить четыре этапа. Первоначальная фаза (конец 1990-х – начало 2000-х гг.): ознакомление с западными концепциями, формирование первых программ по привлечению иностранных студентов и перевод трудов, связанных с идеей мягкой силы (Дж. Най). Институциональное закрепление (2000-е гг.): создание и активное развитие сети Институтов Конфуция, запуск правительственных стипендиальных программ, наращивание академического взаимодействия с зарубежными университетами. Расширение сферы охвата (2010-е гг.): разработка крупных национальных планов («План действий в области образования BRI», программа «Китай-Африка 20+20», «План обучения в Китае»), усиливших глобальное присутствие Китая в высшем образовании и укрепивших его роль на международной арене. Цифровая трансформация (с 2020-х гг.): акцент на онлайн-проекты, цифровые платформы, дистанционные программы и интеграцию образовательных инициатив в рамки «Один пояс, один путь» и других стратегических направлений.

Диссертант выделяет следующие направления конструирования «мягкой силы» Китая в сфере образования. Формирование институциональной инфраструктуры для продвижения языка и культуры (сеть Институтов Конфуция, международные образовательные площадки и механизмы совместного администрирования вузов). Расширение международных стипендиальных программ (Chinese Government Scholarship Program, профильные гранты в рамках BRI и др.), что способствует росту числа иностранных студентов в Китае. Развитие образовательных инициатив в рамках глобальных проектов («Один пояс, один путь», «План Китай-Африка 20+20» и т. п.), где образование служит ключевым элементом укрепления связей и построения положительного имиджа. Цифровизация и инновации: переход к гибридным форматам обучения, активное применение онлайн-платформ, создание совместных научно-исследовательских консорциумов для формирования сети глобальных партнерств.

В исследовании отмечается, что важнейшую роль в стратегии «образовательной мягкой силы» играет сочетание традиционных подходов (уважение к историко-философскому наследию, конфуцианскому идеалу «гармонии») и современных форматов (цифровое взаимодействие, международная кооперация). Подчеркивается, что Китай акцентирует внимание на поддержании «культурной безопасности» и «культурной уверенности» в контексте открытости образовательной системы миру.

Характеризуя основные компоненты китайской образовательной «мягкой силы», автор указывает на глобальное продвижение китайского языка (через Институты Конфуция, программы обучения в Китае); сеть академических и научных обменов (стипендии, совместные исследовательские проекты, интеграция университетов в международные рейтинги); транснациональные модели высшего образования (совместные вузы, «китайско-иностранное сотрудничество в

управлении школами», оффшорные кампусы); цифровые образовательные платформы и онлайн-программы, позволяющие преодолевать геополитические и культурные барьеры.

Таким образом, автором подчеркивается, что политика «мягкой силы» КНР в образовании – это долгосрочная и многоплановая стратегия, обеспечивающая Китаю рост культурного и экономического влияния в мире и укрепление национальной идентичности внутри страны.

Второй параграф «Российская политика «мягкой силы» в образовательной сфере» посвящен анализу документов, выявлению и характеристике особенностей российской политики в образовательной сфере.

В структуре политики «мягкой силы» России в образовательной сфере автор условно выделяет три направления: традиционно-историческое, геополитико-региональное и цифрово-инновационное. При этом в работе отмечается, что российский подход формируется под влиянием ряда факторов, отражающих специфику внешнеполитической стратегии и национальной идентичности. «Ситуационный» фактор определяется изменениями на международной арене (санкции, рост глобальной конкуренции за студентов), что порождает необходимость переосмысления методов образовательной дипломатии. «Базовый» фактор опирается на культурно-историческое наследие (престиж советской школы точных наук, роль русского языка, многолетний опыт академического обмена), позволяя сохранять привлекательность образования для ряда стран. «Надситуативный» фактор отражает стремление России упрочить свой статус ведущей державы в полицентричном мире (через концепцию суверенной демократии, инициативы в рамках БРИКС и ШОС, расширение международных образовательных сетей).

В процессе становления современной российской «мягкой силы» в образовании выделяются четыре этапа. Формативный период (начало 2000-х): поиск российской интерпретации мягкой силы, первые инициативы (форум «Валдай», Россотрудничество, фонд «Русский мир»), переосмысление постсоветских связей. Институционализация (середина 2000-х – 2010-е гг.): запуск программ «5-100», расширение университетских рейтинговых позиций, рост числа англоязычных программ, активизация привлечения иностранных студентов. Укрепление и диверсификация (2010-е – начало 2020-х гг.): взаимодействие с регионами (СНГ, БРИКС, Африка, Азия), развитие онлайн-форматов (МООС, цифровые платформы), внедрение совместных международных программ и расширение акселераторов стартапов в вузах. Адаптация к геополитическим вызовам (с 2022–2023 гг.): переориентация на «Глобальный Юг», укрепление принципа суверенитета в образовательной повестке, развитие новых форм цифровой дипломатии, участие в проекте «Приоритет-2030».

Диссертант выделяет следующие направления формирования российской «мягкой силы» в образовательном поле:

– увеличение квот на обучение иностранных студентов, продвижение сетевых образовательных проектов, англоязычные программы, программа «5-100» и ее преемник «Приоритет-2030».

– усиленное внимание к странам бывшего СССР, БРИКС, ШОС; продвижение русского языка за рубежом (фонд «Русский мир», центры Россотрудничества), позиционирование исторического и научного наследия РФ.

– онлайн-проекты: MOOK-платформы, виртуальные обмены, программы дистанционного обучения, цифровые сертификаты (RuCert); интеграция ЭдТех-технологий в государственную повестку.

– создание Российско-китайских институтов, филиалов иностранных вузов в России, сетевых форматов (Университет ШОС, Сетевой университет БРИКС).

Автором отмечается, что центральным элементом российской стратегии является идея суверенитета и невмешательства, что накладывает отпечаток на содержание образовательных инициатив и формирует особый дискурс культурно-исторических ценностей. При этом подчеркивается, что Россия сталкивается с рядом структурных вызовов (геополитическая напряженность, «утечка мозгов», ограниченные финансовые ресурсы), которые затрудняют широкомасштабную реализацию политики «мягкой силы».

Таким образом, констатируется, что российская модель «мягкой силы» в образовании представляет собой сложную и эволюционирующую стратегию, призванную обеспечить глобальное влияние страны через научно-образовательный потенциал, при сохранении приоритета национального суверенитета. Несмотря на возникающие трудности, данная политика обладает значительным ресурсным потенциалом и при грамотной адаптации к новым геополитическим реалиям может усиливать международное положение России в ближайшие годы.

Третий параграф «Сходства и различия политики «мягкой силы» Китая и России в образовательной сфере» посвящен выявлению и анализу общих и отличительных черт китайской и российской политики в образовательной сфере.

В структуре анализа сходств и различий образовательной политики «мягкой силы» Китая и России можно условно выделить три ключевых аспекта: стратегические приоритеты, институционально-организационные механизмы и геополитические рамки реализации. При этом авторы (в тексте) указывают, что, несмотря на некоторые параллели в подходах двух стран к экспорту образования и привлечению иностранных студентов, в их моделях прослеживаются существенные отличия, объясняемые историко-культурным наследием, экономическими возможностями и внешнеполитическими задачами.

Диссертант выделяет ряд сходств и различий в подходах Китая и России к «мягкой силе» в образовательной сфере. Что касается сходств, обе страны делают ставку на интернационализацию, развивая государственные стипендиальные программы (Chinese Government Scholarship, российские квоты и т. д.) и продвигая создание филиалов, совместных вузов и сетевых образовательных проектов, таких как Институты Конфуция или Русские центры. Сходной чертой также выступает высокая степень централизованной координации образовательной дипломатии: в

Китае это проявляется в «Плане обучения в Китае», а в России — в программе «Экспорт образования», что позволяет увязать образовательные инициативы с общенациональной стратегией. Одинаково большое внимание обе страны уделяют STEM-направлениям, рассматривая подготовку инженерных и технических специалистов как залог технологического развития и конкурентоспособности вузов. Кроме того, Китай и Россия активно осваивают цифровые форматы обучения и массовые открытые онлайн-курсы (XuetangX, «Открытое образование»), стремясь тем самым глобализировать свой образовательный контент. Наконец, и Китай, и Россия придают важное значение продвижению национальных языков и культуры: сеть Институтов Конфуция и программы фонда «Русский мир» призваны укреплять культурно-языковое влияние обеих стран за рубежом.

В то же время имеются и существенные различия, связанные в первую очередь с историческим контекстом. Россия во многом продолжает советскую модель привлечения иностранных студентов, особенно из стран постсоветского пространства. Китай же начал активную международную экспансию в высшем образовании лишь с 1990-х годов, быстро адаптируясь к глобальным трендам. Более тесная интеграция китайского образования с экономическими проектами («Один пояс, один путь») контрастирует с традиционно культурно-языковым фокусом России. Масштаб и финансирование также заметно разнятся: Китай выделяет значительные ресурсы на продвижение своих вузов и научных инициатив, тогда как Россия, располагая более скромными бюджетами, ориентируется на точечные проекты и ближайших партнеров в СНГ.

Различаются и географические приоритеты. Китай концентрируется на странах, входящих в его глобальную инициативу BRI, в то время как Россия направляет основные усилия на регион СНГ и соседние государства. Существует и ряд нюансов в сфере академической свободы и репутации: Институты Конфуция нередко подвергаются критике со стороны западных университетов за идеологические ограничения, а в российском случае аналогичные претензии встречаются реже и не так масштабно. Помимо этого, Китай демонстрирует более активное участие частных IT-гигантов (например, Alibaba, Huawei, Tencent) в образовательных инициативах, в то время как в России роль частного сектора в этой области пока что более ограничена, хотя и появляются позитивные сдвиги.

Таким образом, сходства российской и китайской образовательной дипломатии заключаются в признании стратегической значимости образования как инструмента мягкой силы, тогда как различия состоят в масштабах инвестиций, уровнях экономической интегрированности и культурно-исторической специфике. В диссертации подчеркивается, что от того, насколько адекватно Китай и Россия смогут отвечать на глобальные вызовы (цифровизация, конкуренция мировых вузов, геополитическая напряженность), во многом зависит дальнейший успех каждой из стран в использовании образовательной сферы для усиления своего влияния на международной арене.

Четвертый параграф «Китайско-российские отношения в образовательной сфере: состояние и перспективы» посвящен анализу текущего состояния и перспектив китайско-российских отношений в образовательной сфере.

В структуре рассмотрения китайско-российских отношений в образовательной сфере автор выделяет три основных уровня: во-первых, межгосударственное стратегическое партнерство, формирующее благоприятный политический фон и задающее общие приоритеты развития двусторонней кооперации; во-вторых, конкретные механизмы институционального сотрудничества, включающие взаимное признание дипломов, создание совместных университетов и участие в академических сетях; в-третьих, практическая кооперация в области исследований, инноваций и подготовки кадров, основанная на совместных научных публикациях и технологических проектах. По мнению автора, такое сотрудничество в значительной степени отражает общее стремление Китая и России укрепить глобальный статус и успешно противостоять внешнеполитическим вызовам.

Состояние отношений в образовательной сфере характеризуется динамичным ростом числа студентов и масштабными совместными инициативами. Уже к 2024 году более 40 тыс. граждан КНР получают высшее образование в российских вузах, тогда как более 19 тыс. россиян обучаются в Китае; при этом долгосрочная цель – достичь рубежа в 100 тыс. обучающихся с обеих сторон. Развиваются и совместные образовательные проекты, наиболее крупными из которых являются Университет Шэньчжэнь МГУ–ППИ и Российско-Китайский институт им. Баумана. Дополнительный импульс кооперации придают сетевые инициативы, такие как Университет ШОС и образовательная платформа БРИКС, а также поддержка правительств, выраженная в деятельности Китайско-российской комиссии по гуманитарному сотрудничеству и подписанной «Российско-китайской дорожной карте гуманитарного сотрудничества до 2030 года». Существенную роль играет и фокус на исследованиях: растет число совместных научных работ, функционируют лаборатории и исследовательские центры по передовым направлениям (ИИ, квантовые технологии, энергетика).

В диссертации отмечается, что, несмотря на заметные успехи, стороны сталкиваются с рядом проблем и ограничений. Во-первых, языковые и культурные барьеры продолжают усложнять процесс глубокой интеграции вузов. Во-вторых, на сотрудничество влияет геополитическая турбулентность, вызванная санкциями против России и конкуренцией за влияние в Центральной Азии. В-третьих, асимметрия ресурсов и интересов порождает дисбаланс в совместных инициативах, поскольку Китай часто выступает более сильным экономическим игроком. Наконец, различия в академических стандартах (интеллектуальная собственность, академические свободы, обеспечение качества) создают дополнительные барьеры.

Однако, по мнению автора, перспективы развития партнерства остаются значительными. Расширение цифрового сотрудничества – онлайн-образование, совместные MOOK-платформы, виртуальные лаборатории – позволит преодолеть географические и организационные ограничения. Усиление научно-технологического взаимодействия в сферах искусственного интеллекта, энергетики,

робототехники и нанотехнологий способно укрепить инновационный потенциал обеих стран. Создание общих образовательных брендов посредством новых совместных вузов, двойных дипломов и сетевых кластеров (например, ШОС, БРИКС) формирует оригинальную модель многосторонних партнерств, а углубление гуманитарных связей – рост студенческой мобильности и продвижение языковых проектов – укрепляет «народную дипломатию» и взаимное доверие. Роль «третьих площадок» – таких как форумы АТЭС, ЮНЕСКО и G20 – также приобретает вес, расширяя контекст международной кооперации двух государств.

Таким образом, автор считает, что развитие китайско-российских отношений в образовательной сфере является неотъемлемой частью более широкого стратегического партнерства. Оно достигает значимых результатов, в частности, в виде масштабных студенческих обменов, совместных университетов и научных проектов, хотя и сопровождается организационными, лингвистическими и геополитическими вызовами. Перспектива дальнейшей координации, инновационности и целевой государственной поддержки в области образования способна придать сотрудничеству устойчивый характер, укрепляя не только научно-технологический потенциал обеих стран, но и их позиции на мировой арене знаний.

В **заключении** подведены итоги работы, сформулированы основные выводы и намечены перспективы дальнейшего изучения проблемы. Дальнейшие перспективные направления исследования темы могут включать углубленный анализ влияния современных технологий на трансформацию образовательной мягкой силы в условиях глобальной информационной среды. Особое внимание следует уделить сравнительному анализу успешных кейсов применения образовательной мягкой силы в различных культурных и геополитических контекстах. Также актуально исследование механизмов формирования национальной идентичности через образовательные инициативы, направленные на усиление мягкой силы. Также будущие исследования должны быть сосредоточены на количественных оценках академических результатов, качественном анализе опыта участников и сравнительном изучении аналогичных международных образовательных инициатив. Расширение эмпирических исследований и применение междисциплинарных методологических подходов позволят выявить новые инструменты и стратегии влияния в динамично меняющемся глобальном образовательном пространстве.

III. ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК РФ и Аттестационным советом УрФУ:

1. Чжан Ю., Керимов А. А. «Мягкая сила» во взаимоотношениях Китая и России: направления и механизмы реализации // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2024. Т. 47. С. 100–110 (0,7 п.л./0,35 п.л.; К.2).

2. Чжан Ю., Керимов А. А. Сходства и различия в политике «мягкой силы» Китая и России в образовательной сфере // Социально-политические науки. 2025. Т. 15. № 1. С. 62–69 (0,85 п.л./0,5 п.л.; К.2).

3. Чжан Ю. Китайско-российские отношения в образовательной сфере: состояние и перспективы развития // Теория и проблемы политических исследований. 2025. Т. 14. № 1А. С. 145–156 (0,8 п.л.; К.3).

Другие публикации по теме исследования:

4. Чжан Ю. Концептуализация категории «мягкая сила» в политической науке // Международные отношения. 2024. № 2. С. 64–76 (0,6 п.л.).

5. Чжан Ю. Особенности политики «мягкой силы» России в образовательной сфере // Молодые исследователи – современной России: Сборник статей VII Международной научно-практической конференции (3 февраля 2025 г., г. Петрозаводск). 2025. С. 43–48 (0,4 п.л.).

6. Чжан Ю. Исследование тенденций развития и мер противодействия сотрудничеству в сфере онлайн-образования между китайскими и российскими университетами в постэпидемическую эпоху // Новое поколение: достижения и результаты молодых ученых в реализации научных исследований: Сборник научных трудов по результатам XV международной научно-практической конференции (5 марта 2025 г., г. Казань). 2025. С. 43–48 (0,45 п.л.).